
Эльвира Осетина
МУЖ ПРОДАЛ МЕНЯ СВОИМ БОССАМ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Эльвира Осетина

Муж продал меня своим боссам

https://litres.ru/74594567
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж-лудоман конкретно подставил меня перед друзьями моего брата. Я устроила его к ним на работу, а он умудрился украсть у них из сейфа деньги и проиграть. И теперь они хотят, чтобы я отрабатывала проценты по долгу своим телом, пока будут искать моего мужа. И то, что я уже не молодая, полная и мне аж тридцать семь лет, их вообще не волнует. Главное, чтобы была доступна двадцать четыре на семь, не ныла и не выносила мозг. Никаких сантиментов и никакой романтики. Просто секс. Что ж, придется потерпеть. А чувства чувства засунуть куда подальше, даже если они появятся.

Прода 2-3 раза в неделю.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 11
Глава 2 23
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Эльвира Осетина
Муж продал меня своим боссам

Пролог

- Что? – неверяще уставилась я на Стаса. – Как это продал? Это шутка?

- Нет, - хмыкнул он, и я заметила, как на его лице появилась мрачная улыбка.

- Это не шутка, Карин, - добавил его брат Виктор. – Можешь сама посмотреть.

Он достал из внутреннего кармана своего пиджака телефон и включив его, повернул ко мне.

Мой муж выглядел потерянным и грустным, смотрел в экран и говорил:

«Карина, я проигрался. Лям баксов торчу Стасу с Витьком. Карин, они давно же на тебя поглядывали. Я сказал, что они могут взять тебя за долги. Ты уже будь там с ними поласковее, а? А то меня порешат. Прости».

Он убрал телефон, а я продолжала пялится перед собой. Мне было тяжело поверить в то, что я увидела.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого, и

единственное, что смогла спросить, так это:

- Зачем вы ему столько денег заняли?

- Мы не занимали, Карина, - Виктор, взял кружку со стола, и отпил из неё чая. – Он взял эти деньги из сейфа. Это были общие деньги. А он их взял и пошел играть. Видимо думал отыграться. А в итоге, всё похерил.

- Почему у него был доступ в этот проклятый сейф? – меня начало потряхивать от ужаса, и я бросила этот вопрос, чуть ли не как обвинение.

Ответил Стас:

- Видимо он подсмотрел цифры, я открывал его перед ним. Я же не знал, что он у тебя крыса, Карина.

От слова «крыса» мне захотелось поёжится. Ведь это я попросила друзей моего брата взять мужа на работу. Но я не думала, что ему доверят что-то важное. Да, я знала, что он игрок. У него бывает. Но я знала, что там на работе у него не будет доступа к деньгам и он не сможет больше проигрывать. А в долг ему никто не даёт, я позаботилась об этом. Но он умудрился залезть в чужой сейф.

Я закрыла лицо ладонями, не представляя, что делать и как выпутываться из этой ситуации.

- Карина, ты же понимаешь, что мы не можем взять и простить этот косяк твоему мужу. Он взял наши деньги, Карина. Большую сумму. Ты можешь их нам отдать сегодня?

- Нет, - прошептала я, и добавила: - И вряд ли смогу отдать даже через десять лет.

- Что ж, тогда сама будешь отрабатывать, - спокойно ответил Виктор.

- Как? – растеряно спросила я. – У вас разве есть на работе такие вакансии? Я могу, конечно, бухгалтерией вашей заняться. Но блин, это если я всю жизнь буду на вас работать… И то, мне и жизни не хватит, чтобы покрыть этот долг, мне Федя говорил, что у вас главный бухгалтер получает сто тысяч…

- Карин, - перебил меня Стас. – У нас есть главный бухгалтер и мы его увольнять не собираемся.

- Тогда помощницей, только, - произнесла я, потеряно, сама же уже думала о том, что придется в нагрузку брать еще несколько фирм на себя…

- Нет, помощница тоже у главбуха есть. И это его жена, а он вряд ли согласиться её уволить. К тому же она отличный специалист, - насмешливо хмыкнул Виктор, - мы и сами не хотим её увольнять.

- Тогда кем? - я внимательно посмотрела сначала на одного мужчину, затем на другого. – Я же больше ничего не умею, только бухгалтерией заниматься. Может кадровиком?

- Кадровик у нас тоже имеется, - уже не скрывая веселья сказал Стас.

- Тогда я могу просто отдавать вам какую-то сумму в месяц, - протянула я, - найду еще работы три-четыре, как-нибудь справлюсь, наверное.

- Ммм, дайка подумать, - Стас встал и подошел ко окну,

присев на подоконник, а, - лям баксов на один год, это почти восемьдесят четыре тысячи. Плюс проценты…

- Как, год? Какие восемьдесят четыре тысячи? Может, хотя бы пятнадцать лет? - просипела я, чувствуя, что у меня голова идет кругом. – У меня даже квартира столько не стоит… Вот если пятнадцать лет, - я быстро вытащила телефон и посчитав, просияла: - Получается по пять тысяч пятьсот пятьдесят пять долларов в месяц. Это, у меня скорее всего получится заработать. Будет трудно, но я клянусь…

- Карин, - Виктор посмотрел на меня, как на душевнобольную. – Пятнадцать лет – нас не устраивает. Мы не банк, ипотеки не даем. Эти деньги нужны нам были вчера, а не через пятнадцать лет. По старой памяти, по дружбе с твоим братом, мы бы еще могли пойти на уступки. И эта уступка – ровно год. Ни днем позже. Ну и так и быть, процент будет маленький, всего шестнадцать годовых…

- Шестнадцать? – пропищала я, так как голос совершенно мне отказал.

- А что ты хочешь? – Стас опять весело ухмыльнулся. – Сейчас, если бы мы перевели эти деньги в рубли и положили на депозит, нам и то больше бы заплатили. К тому же, нам сейчас придется вытаскивать эти деньги из оборота и платить по сделке. Они же не просто так там лежали, Карин. И всё это в условиях кризиса.

- И что же мне делать? – с шумом выдохнула я скопившийся в легких воздух.

- Предлагаем контракт на год, - спокойно сказал Стас. - Ты обслуживаешь нас обоих. Меня и Витька. В сексуальном плане. Когда мы захотим и в каких позах захотим. Без нытья, истерик, и прочих бабских закидонов. И так и быть спишем тебе проценты долга по твоему муженьку крысе. Пока его не найдем…

Я в шоке уставилась на мужчину.

- Я, надеюсь, это шутка, Стас? – проблеяла я, смотря ему в глаза.

- Нет, Карин, это не шутка. Это дельное тебе предложение. Я как раз с женой развелся. Мне лень искать новую бабу. Сейчас с этим делом туго. Куда не плюнь, либо тарелочницы, либо гордые и независимые. За которыми надо ухаживать, а я человек занятой. Мне некогда этой романтичной чушью заниматься. Совсем уж проституток юзать, противно. Так, что твой вариант не так плох. Один хрен, денег ты отдать не сможешь. А так…

Я посмотрела на Виктора, надеясь, что хотя бы он скажет, что это шутка, но вместо этого мужчина, сказал:

- Я думаю, это отличное решение. Я как раз сейчас со своей расстался. Эта шлюха меня достала. А твой вариант – идеален.

Я закрыла глаза, сосчитала до десяти и открыв их сказала:

- Интересно, чтобы сейчас на это сказал ваш лучший друг Игнат, будь он жив.

Я посмотрела на Виктора, и поежилась от его леденящего

душу взгляда.

- Вот благодаря тому, что мы еще чтим свой долг перед ним, мы тебя еще не выпотрошили и не продали на органы, и не прикопали где-нибудь в лесочке. А вместо этого предлагаем спокойно отработать долг человека, за которого ты поручилась и скрыла от нас, что он лудоман*

Да, тут мне стало очень стыдно. Просто Федора не брали никуда на работу, как только узнавали о его проблеме. И тогда я и пошла за него просить, предварительно уточнив, что к деньгам он не будет и близко подходить. Но я не учла, что муж пойдет на такой серьезный шаг.

Да я и подумать не могла, что у него всё настолько плохо с головой. Он ведь клялся мне, что больше ни-ни. А я, как последняя дура поверила. Дала ему еще шанс.

Он ведь мужик-то, по сути, хороший. Добрый. Вообще предел мечтаний, для такой, как я. И дома мне всегда помогал. Убраться, посуду помыть, приготовить. Его и просить не надо было. Сам за всё брался. Да и ремонт мелкий тоже умел делать, кран там сломается, или с электричеством, что. Я же, как с ним жить стала, забыла, когда последний раз мастера вызывала на дом.

Да, зарабатывал он мало. Но ведь не в деньгах счастье… А потом я узнала, что он игрок. И недооценила на что способен.

И сейчас сижу и такое выслушиваю.

Господи, я как будто в какой-то дешевой мелодраме для

женщин оказалась. Еще и с эротическим подтекстом.

И тогда я решила напомнить мужчинам свой последний «козырь» и посмотрев каждому в глаза по очереди, сказала:

- Вить, Стас, но я же толстая, некрасивая, и не молодая, зачем я вам?

А в ответ услышала сначала недоуменное молчание, а затем и вовсе дружный мужской смех. Что даже обидно стало.

*(****Лудоман****— так называют человека, страдающего* ***лудоманией****(игровой зависимостью). Это психическое расстройство, при котором человек испытывает неконтролируемое, навязчивое желание участвовать в азартных играх, несмотря на негативные последствия для жизни и окружения).*

Глава 1

- Собирай вещи, поехали к нашему юристу, оформим всё, как полагается, - отсмеявшись сказал Виктор, вставая.

Его голос звучал так буднично, словно речь шла о поездке в супермаркет за продуктами. Словно мы обсуждали погоду или пробки на дорогах. Словно не решалась моя судьба прямо здесь, на этой кухне, среди недомытых чашек и запаха вчерашнего кофе.

Я сидела, вцепившись пальцами в край стола. Дерево было холодным, гладким — я чувствовала каждую царапину, каждую трещинку подушечками пальцев, будто пыталась зацепиться за реальность. За хоть что-то, что ещё оставалось нормальным в этом мире, который только что перевернулся с ног на голову.

- З-зачем? – пробормотала я, и собственный голос показался мне чужим. Тонким, дрожащим, каким-то мышиным.

- Хочешь без вещей жить у меня?

Виктор стоял у окна, засунув руки в карманы брюк. Высокий, широкоплечий, с этой его уверенной осанкой человека, привыкшего командовать. Солнце падало ему на лицо, вырисовывая резкие тени под скулами. Я невольно залюбовалась — и тут же одёрнула себя. Не время. Не место. И совсем не тот мужчина.

- Й-я буду жить у т-тебя? – давно забыла эту детскую при-

вычку, но, когда волновалась, она опять появилась.

- У меня, - ответил брюнет.

- А чего это у тебя? – с недоумением посмотрел на него Стас. Он всё это время стоял у кухонной тумбы, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной, как кот наблюдает за мышью - с ленивым интересом. – Давай лучше ко мне?

Я перевела взгляд на шатена. Стас был младше Виктора на два года. Ему было уже сорок. А Виктору – 42. В его светлых волосах уже проглядывала седина, но это не портило его, а наоборот, придавало какой-то благородной солидности. Голубые глаза, казалось, видели меня насквозь. Раздевали мысленно, не снимая одежды. От этого взгляда у меня по спине пробежали мурашки — и я не могла понять, от страха или от чего-то другого.

- Слушай, я вообще-то секс люблю каждый день. Утром и вечером. Проснулся, потрахался. Еще бы и в обед не отказался. Тогда Карину буду с собой на работу брать…, - задумчиво протянул он.

Кровь прилила к моему лицу. Я почувствовала, как горят щёки, как уши становятся пунцовыми. Мне тридцать семь лет, я взрослая женщина, но сейчас я чувствовала себя школьницей, случайно услышавшей разговор взрослых мужчин. Слово «трахнулся» прозвучало так буднично, так похозяйски, что у меня перехватило дыхание.

Они обсуждали меня. Обсуждали секс. Обсуждали частоту секса. Прямо при мне. Как будто меня здесь не было. Как

будто я была не человеком, а предметом — новым гаджетом, который они делили между собой.

- Я тоже вообще-то люблю почаще, - недовольно пробурчал шатен. – Утром, знаешь ли, ни у одного тебя стояк.

Стас произнёс это с такой обидой в голосе, что я едва не рассмеялась — истерически, неконтролируемо, как смеются люди на грани срыва. Ситуация была настолько абсурдной, настолько нереальной, что мой мозг отказывался её воспринимать. Это не могло происходить со мной. Со МНОЙ. С Кариной, которая всю жизнь старалась быть незаметной, тихой, удобной. Которая никогда не привлекала внимания, не вызывала споров, не становилась причиной конфликтов.

- Слушай, ну живи у меня, тогда, - пожал плечами Виктор. – Так даже удобнее, я ближе к офису живу. Не надо будет долго до работы добираться по пробкам столичным.

Он говорил о моём переезде к нему так, как говорят о покупке новой мебели. Рационально. Практично. Взвешивая все за и против. И этот аргумент — «ближе к офису» — показался ему достаточным, чтобы решить мою судьбу.

Я смотрела на них обоих и пыталась понять: это происходит на самом деле? Эти двое мужчин, которые ещё вчера были для меня просто друзьями брата, просто далёкими, недосягаемыми фигурами из другого мира — богатыми, успешными, уверенными, — сегодня решали, где я буду жить. С кем спать. Как отрабатывать чужой долг.

- А не плохой вариант, кстати, - ответил Стас. – Тогда по-

живу этот год у тебя. А ты чего сидишь, Карин, иди, давай, собирайся, - перевел на меня свой взгляд шатен, заставив поёжиться.

Этот взгляд. Я чувствовала его физически — как прикосновение. Как будто он провёл ладонью по моей коже, от шеи до самого низа живота. Голубые глаза смотрели на меня с таким откровенным голодом, что мне захотелось сжаться, стать меньше, исчезнуть.

- М-может, к-как-то ин-наче, - пробормотала я, пытаясь хоть как-то разжалобить мужчин. Голос предательски дрожал, и я ненавидела себя за это. За слабость. За страх. За то, что не могу послать их обоих куда подальше и уйти, хлопнув дверью.

Но я не могла. Не могла, потому что помнила о Феде — муже, который предал меня. Который украл деньги у этих людей, а потом сбежал, оставив меня разгребать последствия. И потому что я знала: эти двое не шутят. Они из тех, кто всегда получает то, что хочет. Любой ценой.

— Карин, — Виктор встал, заставив меня напрячься. Его движения были плавными, но в них чувствовалась скрытая мощь — как у хищника перед прыжком. Он подошёл ближе, и я почувствовала запах его парфюма — дорогого, древесного, с нотками табака и чего-то ещё, неуловимо мужского. — Давай, не тупи. Быстренько собирайся. Своим промедлением ты нас только злишь ещё сильнее. А поверь, злые любовники тебе не нужны. А мы со Стасом сейчас очень злы.

Он наклонился ко мне, взял за подмышки — как берут ребёнка — и начал поднимать. Его руки были тёплыми и сильными. Я почувствовала, как его пальцы сжимают мои бока, как легко он поднимает моё тело, будто я ничего не вешу. Будто я была пушинкой, а не женщиной с лишним весом, которая привыкла стесняться своего тела.

Он так проникновенно это сказал и посмотрел мне в глаза — прямо, не отводя взгляда, — что я сдалась. В его глазах была не жестокость. Была уверенность. Уверенность в том, что он имеет право так со мной поступать. Что весь мир устроен именно так, и я должна просто принять это.

Я решила, что, может быть, они меня просто запугивают. Что трогать меня никто не будет по-настоящему. Все-таки какая из меня любовница? Да я же толстая, страшная. Вон у Феди-то кое-как на меня стояло. Приходилось ему долго минет делать, чтобы он хоть немного возбудился. А эти двое — они привыкли к моделям, к длинноногим красоткам с идеальными фигурами. Поэтому нафиг я им не сдалась.

И поэтому, мысленно выдохнув, отправилась собирать вещи.

- У тебя пятнадцать минут, - крикнул мне Стас и добавил: - Время пошло! И документы захвати свои!

Я вылетела из кухни как пробка из шампанского. Пятнадцать минут. Пятнадцать минут, чтобы решить, какую часть моей жизни можно взять с собой в этот кошмар.

Ноги не слушались. Они были ватными, чужими, будто не

моими. Я влетела в спальню — нашу спальню — и огляделась, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями.

Наша спальня. Комната, которую я обустраивала с такой любовью. Дублированные занавесочки, которые я сшила сама — кремовые, с мелкими розочками, — висели на окне, пропуская мягкий осенний свет. На тумбочке стояли фотографии: мы с Федей на море, в Сочи, три года назад. Я в закрытом купальнике, который так старательно выбирала, чтобы скрыть живот. Он — с бутылкой пива в руке, улыбающийся, загорелый. Тогда мне казалось, что мы счастливы. Тогда я ещё верила, что он меня любит.

На кровати лежало покрывало — тоже моя работа, лоскутное шитьё, которым я так гордилась. Каждый квадратик — кусочек ткани от старой одежды. Вот этот синий — от его рубашки, которую он порвал на даче. Вот этот розовый — от моего платья, которое стало мало. Я сшивала свою жизнь в единое целое, стараясь согреть этот дом теплом своих рук.

И вот теперь я должна была бросить всё это. Оставить.

Я схватила сумку — самую большую, дорожную, которую мы покупали для поездки в Египет. Тогда поездка не состоялась — Федя потратил деньги на что-то другое. На что именно — я так и не узнала. Теперь я догадывалась.

***

Начала кидать туда джинсы, футболки, свитера. Руки дрожали. Я хватала вещи, не глядя, не думая, не выбирая. Просто бросала — как попало, лишь бы заполнить пустоту в сум-

ке. Лишь бы создать видимость того, что я контролирую ситуацию.

«Обслуживаешь нас обоих. В сексуальном плане». Слова Стаса врезались в мозг раскалённым железом.

Я остановилась посреди комнаты, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучало, и я никак не могла сделать вдох — полной грудью, до конца. Воздух застревал где-то в лёгких, не желая выходить наружу.

Мне тридцать семь. Я бухгалтер. У меня целлюлит, лишний вес, и я понятия не имею, как «обслуживать» двоих мужчин, которые явно привыкли получать то, что хотят.

Я посмотрела на себя в зеркало шкафа. Обычная женщина. Уставшая. Растерянная. Под глазами — тёмные круги от бессонных ночей. Волосы — темные, собранные в небрежный хвост. Никакой косметики — я давно перестала краситься для Феди, потому что он всё равно не замечал. Зачем стараться, если тебя не видят?

Я провела рукой по лицу, ощущая под пальцами морщинки — первые, едва заметные, но уже пугающие. Кожа была сухой, сероватой, безжизненной. Я давно не баловала себя кремами, масками, спа-процедурами. Всё казалось ненужным. Всё казалось напрасным.

— Карина! Осталось двенадцать минут! — голос Стаса из коридора заставил меня подпрыгнуть.

Я закинула в сумку зубную щётку, пасту, крема, косметику. На секунду зависла над ящиком с бельём. Лицо залилось

краской. Я закрыла глаза и выгребла всё. Пусть сами потом разбираются. И надо ли им это вообще?

Федя только смеялся всё время и говорил, чтобы не позорилась. А мне всё равно нравилось покупать. Бельё же красивое… Кружевные комплекты, шёлковые халатики, тонкие чулки — всё это лежало в ящике, нетронутое, с бирками. Я покупала и не носила. Стеснялась. Боялась, что Федя скажет что-то обидное. А теперь... теперь, может быть, это бельё пригодится. От этой мысли стало тошно.

Боги, о чём я вообще думаю? Мозги совсем не варят.

Документы. Где документы? Паспорт, СНИЛС, загран... Нашла папку на полке в прихожей. Там же лежали свидетельство о браке — красивое, с гербом, — и наш совместный полис страхования. Я смотрела на эти бумаги и чувствовала, как что-то внутри меня умирает. Медленно, мучительно, с хрустом.

Вышла в коридор, тяжело дыша, с перекошенной сумкой через плечо. Молния не застёгивалась — я напихала слишком много. Или слишком мало. Я уже не понимала.

Стас стоял, прислонившись к косяку, смотрел на часы. Он был расслаблен — насколько вообще может быть расслаблен человек, который только что угрожал тебе расправой. В его позе была какая-то ленивая грация, как у большой кошки, которая знает, что добыча никуда не денется.

— Четырнадцать двадцать. Уложилась. Молодец. В папке документы?

— Ага, — кивнула я и на автомате отдала сумку вместе с папкой мужчине.

Он открыл её и даже проверил. Пролистал паспорт, посмотрел прописку, зачем-то изучил страницы со штампами. Я стояла и смотрела, как чужие руки касаются моих документов, моей жизни, моего прошлого. И ничего не могла сделать.

— Отлично, — улыбнулся он.

Эта улыбка. Она не предвещала ничего хорошего. В ней было столько самодовольства, столько превосходства, что мне захотелось ударить его. Но я не ударила. Я просто стояла и смотрела, как он застёгивает мою сумку и ставит её на пол.

Виктор ждал у двери, уже надев осеннее пальто. Тёмно-серое, дорогое, идеально сидящее по фигуре. Он выглядел так, будто сошёл с обложки глянцевого журнала. А я — я чувствовала себя тенью. Серой мышью, случайно забредшей в мир красивых и успешных людей.

— Всё взяла?

— Д-да, — выдавила я, всё еще продолжая заикаться.

— Поехали.

Мы спустились вниз. У подъезда стоял черный внедорожник Виктора. За рулем сидел водитель, а рядом с автомобилем стоял еще один мужчина. Он сразу же забрал мою сумку и понес её в багажник. Стас сел первым, Виктор буквально затолкал меня внутрь. Сам сел рядом.

Они зажали меня между собой. И машина тронулась.

— Сейчас заедем к тебе за вещами, Стас, — бросил Виктор, не глядя на меня.

— Да, захвачу ноут и костюмы.

Стас же вдруг просунул руку и при обняв меня за талию, наклонился и прошептал мне прямо в ухо:

- Честно уже бы сейчас тебя трахнул Карин, ты такая вся ладная, мягонькая. Я не могу, у меня уже всё дымит. Но ладно подожду, пока с делами разберемся.

По спине побежали табуном мурашки. И я напряглась еще сильнее.

Сказать, что я была в шоке, значит ничего не сказать.

Я ладная, и мягонькая? У него всё дымит?

Я точно сплю и вижу какой-то странный сон, толи кошмар, толи…

Я выгнала последнюю мысль из своей головы прочь. Потому что… потому что… нет. Даже думать об этом страшно.

Виктор явно слышал то, что сказал его друг, и лишь похабно усмехнулся.

Я молчала. Язык будто примерз к нёбу. Мы ехали по городу, который вдруг стал чужим. Светофоры, люди, спешащие по своим делам. Они понятия не имели, что у меня сейчас происходит в голове. А там творилась целая мешанина из эмоций.

У дома Стаса Виктор вышел ему помочь. И второй мужчина, что сидел рядом с водителем, тоже пошел с ними. Я осталась одна в машине. Если не считать водителя.

Зажмурившись, мысленно начала себя успокаивать: «Это сон. Это просто сон. Сейчас я проснусь, а Федя будет рядом, будет пить свой утренний кофе и улыбаться. Иногда отпускать в мою сторону привычные шутки. Но это не страшно, он же любя. Не со зла. Он же любит меня? Да?»

Но открыв глаза, с сожалением осознала, что всё еще сижу в машине. И Феди рядом нет. Зато есть долг, унижение и эти двое, которые решили, что я теперь их кукла для секса. А еще странные эмоции, которые не должны были даже появиться в моей голове и которые я упорно от себя гнала.

Когда они вернулись, Стас бросил в багажник здоровенную сумку, и они оба сели рядом со мной.

— Держи, — он протянул мне бутылку воды. — А то вид у тебя, как у приговоренной к расстрелу.

Я взяла, но пить не стала. Только сжала пальцами холодный пластик.

— Я н-не… я не смогу, — выдавила я тихо.

— Что именно? — лениво переспросил Виктор. — Воду открыть?

— В-всё эт-то. Я н-не с-смогу с в-вами… жить. Это н-неправильно, - еле прошептала я, посматривая на двух мужчин спереди.

Мы уже тронулись, в салоне играла музыка, поэтому я надеялась, что они нас не слышат.

Мужчины сначала промолчали. Стас же хмыкнул. Виктор повернул ко мне голову, внимательно рассматривая моё про-

филь.

— Карина, — голос его был спокоен, но в нем чувствовалась сталь, поэтому мне пришлось посмотреть ему в глаза. — Ты сейчас находишься в том положении, когда слово «неправильно» тебе лучше забыть. Твой муженек спустил наши деньги. Не свои. Наши. – Он сделал акцент на этом слове и замолчал, причем очень многозначительно. Да еще и посмотрел так, что у меня завязался узел в желудке. А затем продолжил: - Ты поручилась за него головой. Фактически подставила. Твоя голова теперь — наша. Всё просто.

— Но вы же друзья моего брата! — вырвалось у меня. — Вы обещали ему…

— Мы помним, что обещали, — резко оборвал Виктор. — Именно поэтому ты сейчас сидишь в теплой машине, а не лежишь в сырой земле. Цени это.

Я замолчала. В голове билась одна мысль: «Федор, как ты мог? Что же ты наделал? Ты же клялся, что больше так не сделаешь? Ты же говорил, что любишь меня…».

Хотелось заплакать, но было страшно. Ведь я еще помнила, что мужчинам не нравятся «бабские истерики».

Мы ехали в сторону центра. Я смотрела на здание юридической конторы, когда машина остановилась, и поняла, что назад дороги уже нет.

— Выходи, — бросил Стас, выбираясь первым. — Подпишешь бумаги, и поедем домой.

Глава 2

Я вышла на тротуар, подняла глаза на вывеску. «Центр правовой защиты бизнеса».

- Как официально. Как солидно. Это здесь людей продают в рабство? – сказала я вслух, и посмотрела на обоих по очереди мужчин.

На что они оба одновременно усмехнулись, и подтолкнули меня внутрь. Тоже одновременно.

А я некстати подумала зачем-то, что в тандеме они работают невероятно слаженно.

И мысленно прикусила язык, удивляясь тому, что могу в такой момент еще и зубоскалить.

И откуда что взялось? Я вроде всегда тихой и мирной была. Даже дипломатом в какой-то степени…

Внутри было чисто, холодно и пахло дорогим ремонтом и кожей кресел. Нас встретил мужчина в очках — юрист, как я поняла. Он не задавал лишних вопросов, только кивнул братьям и жестом пригласил в кабинет.

Меня усадили за стол. Передо мной положили договор.

Я пробежала глазами текст. Сухие юридические формулировки. «Заемщик», «заимодавцы», «проценты», «неустойка». Но в конце была приписка, от которой у меня побелели костяшки пальцев, сжимавших край стола.

«В случае неисполнения обязательств по возврату денеж-

ных средств в установленный срок, заемщик обязуется выполнять любые требования заимодавцев, направленные на компенсацию ущерба, включая, но не ограничиваясь, личными услугами, характер и объем которых определяются заимодавцами в одностороннем порядке».

— Что это значит? — прошептала я, поднимая глаза на юриста.

Тот поправил очки, бросил быстрый взгляд на Стаса, который стоял у окна, и сухо ответил:

— Стандартная формулировка, Карина Сергеевна. Ничего необычного.

— Это… это рабство, — выдохнула я, осознавая, что моя шутка оказалась вовсе не шуткой…

Вот почему оба мужчины усмехались. Им просто было весело…

— Это защита интересов кредитора, — поправил меня юрист. — Вы имеете право не подписывать. Но тогда заимодавцы имеют право подать в суд, а также уведомить правоохранительные органы о хищении средств, в котором, судя по предоставленной видеозаписи, участвовал ваш супруг.

— Видеозаписи? — я повернулась к Виктору.

— Камеры в кабинете, — спокойно пояснил он. — Федя очень старательно набирал код. Даже не прятался. Видимо, был уверен, что мы не узнаем.

- Или уверен, что ты отработаешь за него его долг? – проникновенно добавил Стас, будто пытаясь меня побольнее ко-

лоть.

Куда уж больнее-то…

Я посмотрела на ручку. Черную, тяжелую, лежащую на листе бумаги.

— Если я не подпишу, что будет? – спросила я, сглотнув горькую слюну.

Стас обернулся от окна, и кивнул юристу:

- Вы не могли бы нас оставить наедине.

- Конечно, - ответил тот, и быстро вышел из кабинета.

А Стас сел за его стол, и развалившись в кресле, словно он тут был хозяин кабинета, начал говорить:

— Карин, мы уже всё объяснили. Ты подписываешь — год, и ты свободна. Не подписываешь — и мы найдем способ разобрать и тебя и твоего мужа на органы. Его, когда найдем, тебя прямо сегодня. Хоть так компенсируем свои затраты. И так, подписывай. Нам еще к нотариусу надо съездить. Заверить договор. Надеюсь, ты будешь вести себя правильно. Ну и да, решишь обратиться в полицию, пеняй на себя. У нас там знакомых полно. Выдадут тебя, всю, быстро с потрохами.

- У меня сердце больное, - пролепетала я. – Мои органы не подойдут для продажи.

- У тебя кроме сердца есть куча других органов. Глаза, почки, печень, - спокойно ответил Виктор. И с веселой ухмылкой добавил: - И да, не ври. С сердцем у тебя всё нормально. Мы достали твои анализы из ЭКО-центра. Ты бук-

вально месяц назад, проходила полный медосмотр.

- Как вы это сделали? Они же все секретные! – в шоке уставилась я на мужчин.

Даже Федя не знал, что я проходила обследование, так как в тайне от него хотела забеременеть. Но думала, что проблемы у меня, а нет. У меня всё было в норме. Мне еще тогда сказали мужа привести, но я не знала, как ему это сказать. Я долго к этому готовилась… Знала, что он обидится, что я от него что-то скрываю. Вот, до готовилась.

- За деньги можно купить всё, что угодно. Любую информацию. Поэтому Карин, хватит уже пререкаться, подписывай, - прищурившись, протянул Стас.

Я смотрела на мужчин. В их глазах не было жестокости. Было спокойствие. Они были абсолютно уверены, в своей правоте. И это пугало больше, чем если бы они кричали или угрожали.

Рука взяла ручку сама. Пальцы, казалось, жили отдельной жизнью. Я поставила подпись в трех местах. Потом еще в одном, где зашедший юрист ткнул пальцем.

Когда всё было кончено, я откинулась на спинку стула. Внутри была пустота. Ни страха, ни отчаяния. Только какая-то ледяная, звенящая пустота.

— Умница, — тихо сказал Виктор, забирая свой экземпляр. — Пойдем.

Я встала. Ноги были ватными.

У выхода юрист задержал меня на секунду.

— Карина Сергеевна, — сказал он негромко. — Я бы на вашем месте… постарался найти общий язык со своими кредиторами. Они справедливы. По-своему. Но если вы будете соблюдать условия, они не причинят вам вреда.

Я посмотрела на него. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или мне показалось.

— Спасибо за совет, — ответила я деревянным голосом и вышла.

На улице уже вечерело. Стас посмотрел на свои дорогущие брендовые часы и сказал:

— К нотариусу поедем завтра, сегодня уже не успеем. Время позднее.

Мы сели в машину.

— Домой Паша, — отдал приказ брюнет, а я невольно вздрогнула, от чего Стас, приобнял меня за талию, и сказал:

- Не боись Карин, всё будет хорошо. Ща поужинаем, и трахаться начнем…

Машина плавно выехала со стоянки. Я смотрела в окно на уходящие огни города и думала об одном: как я доживу до конца этого года? И доживу ли вообще? И какого хрена на его хамское «трахаться» у меня вместо отвращения, почему-то зашевелилось любопытство?

***

Мы ехали по вечернему городу, который уже зажег свои огни. В окне мелькали витрины дорогих магазинов, рестораны с приглушенным светом, спешащие куда-то люди. Все

они были заняты своими обычными делами: кто-то возвращался с работы, кто-то шел на свидание, кто-то просто гулял. А я сидела между двумя мужчинами, которые только что купили меня. По-другому это назвать было нельзя. Да, они называли это «отработкой долга», «контрактом», «компенсацией ущерба». Но суть оставалась прежней. Я стала вещью.

Стас всю дорогу держал руку на моей талии. Не сжимал, не тискал — просто лежала его широкая теплая ладонь на моем боку, и от этого прикосновения по всему телу разливалось странное тепло. Я пыталась убедить себя, что это отвращение. Что мне противно. Но где-то в глубине сознания билась предательская мысль: «Когда тебя последний раз вот так просто держали за талию? Когда последний раз мужчина прикасался к тебе без брезгливости на лице?»

Федя... Федя последние года два вообще перестал меня трогать. Только по необходимости — передать что-то, подвинуться на кухне. Секс у нас был... я уже и не помню, когда был. Он говорил, что устает, что проблемы на работе, что голова болит. А я верила. Я всегда верила ему. Даже когда он приходил под утро с запахом перегара и чужих духов, я убеждала себя, что это от коллег, что они вместе отмечали удачную сделку. Какая же я была дура.

Машина свернула с шумного проспекта на тихую улицу. Здесь было темнее — высокие деревья закрывали свет фонарей, создавая полумрак. Дома стояли солидные, из красного

кирпича, с высокими заборами и охраной на въезде. Я такие видела только в интернете, когда листала объявления о продаже элитной недвижимости, и то — не всерьез, а так, ради интереса, чтобы потом повздыхать и сказать Феде: «Вот бы нам такую квартиру!» А он смеялся и говорил, что мы и в нашей хорошо живем. И я соглашалась. Потому что любила его. И потому что знала — мечтать вредно. Особенно когда каждый рубль на счету.

Ворота открылись автоматически, пропуская наш внедорожник на подземную парковку. Здесь было светло, как днем, и пахло свежим бетоном и дорогими машинами. Я насчитала с десяток автомобилей — все черные, блестящие, с тонированными стеклами. Виктор припарковался на своем месте, заглушил двигатель и обернулся ко мне.

— Приехали. Вылезай.

Я открыла дверь и ступила на гладкий, отполированный пол. Ноги немного дрожали — то ли от долгого сидения, то ли от нервов. Стас вышел следом, потянулся, разминая спину, и подхватил свою сумку. Мою сумку забрал водитель — тот самый молчаливый мужчина, который ехал с нами от юридической конторы.

— Паша, занеси вещи в квартиру и можешь быть свободен, — бросил Виктор водителю. Тот кивнул и направился к лифту.

Мы последовали за ним. Лифт был зеркальным — я увидела себя в полный рост и тут же отвела взгляд. Растрепан-

ная, бледная, в мятой одежде — я выглядела как побитая собака. А рядом со мной — два высоких, подтянутых, уверенных в себе мужчины в дорогих костюмах. Контраст был настолько разительным, что мне захотелось рассмеяться. Или заплакать. Я сама не поняла, что именно.

Лифт поднялся на последний этаж — двадцать пятый. Двери открылись прямо в квартиру. Да, именно так — не в коридор, не на площадку, а прямо в просторную прихожую, освещенную мягким светом встроенных светильников. Я замерла на пороге, не в силах сделать шаг.

Это была не квартира. Это был дворец.

Огромное пространство, отделанное в современном стиле. Светло-серые стены, панорамные окна от пола до потолка, через которые открывался вид на вечерний город — огни, огни, огни до самого горизонта. Пол — из какого-то светлого дерева, отполированный до блеска, по которому было страшно ступать в уличной обуви. Потолки — высокие, с многоуровневой подсветкой, которая менялась в зависимости от времени суток. Я видела такие системы в передачах о «умных домах» и всегда думала, что это баловство для богатых. А теперь стояла посреди этого баловства и не знала, куда деть руки.

— Проходи, не стой на пороге, — Виктор подтолкнул меня в спину, и я сделала несколько неуверенных шагов вперед.

— Тапочки, — Стас кивнул на обувную полку, где стояли

несколько пар мягких домашних тапочек. — Выбирай любые.

Я выбрала самые простые — серые, без помпонов. Переобулась, стараясь не смотреть на свои стоптанные туфли, которые вдруг показались мне невероятно убогими на фоне этого великолепия.

Мы прошли в гостиную. Я остановилась, пытаясь осознать масштаб.

Комната была размером с мою квартиру. Может, даже больше. Огромный угловой диван из светлой кожи, на котором могли бы уместиться человек десять, стоял у панорамного окна. Перед ним — низкий стеклянный столик с какими-то журналами и пультом от телевизора. На стене напротив — гигантский экран, встроенный прямо в нишу. Я такие видела только в кино.

— Нравится? — Стас подошел сзади, и я почувствовала его дыхание на своей шее. — Витька у нас эстет. Всё сам выбирал. Дизайнеров гонял, пока они ему идеальный проект не сделали.

— Это... это очень красиво, — выдавила я, не в силах подобрать более подходящее слово.

— Это дом, — просто ответил Виктор, проходя мимо нас в сторону кухни. — Идем, покажу остальное.

Кухня была отдельной комнатой — не то что у нас с Федей, где все помещалось на пяти квадратных метрах. Здесь можно было готовить еду для ресторана. Матовые фасады

шкафов, встроенная техника — я узнала логотипы дорогих брендов, потому что когда-то мечтала о такой плите и духовке. Остров посередине с мраморной столешницей, барные стулья, подвесные светильники. И запах — легкий, едва уловимый, словно здесь недавно готовили.

— У меня есть домработница, — Виктор открыл холодильник и достал бутылку воды. — Приходит три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. Убирает, стирает, гладит. Если нужна какая-то личная стирка — оставляй в корзине в ванной, она разберется. — Он отпил воды и продолжил: — Еще есть повар. Готовит каждый день, кроме выходных. Обычно приходит утром, к обеду всё готово. Можешь разогреть, когда захочешь. По выходным готовим сами или заказываем.

Я слушала его и не верила своим ушам. Домработница. Повар. Как в кино. Или в книжках, которые я иногда читала, чтобы отвлечься от серых будней. Там были богатые герои, у которых всегда была прислуга, и я всегда думала — неужели так бывает в реальной жизни? Оказывается, бывает. Просто не для таких, как я.

— Пойдем, покажу комнаты, — Виктор поставил бутылку на стол и жестом позвал меня за собой.

Мы вышли в коридор, который тянулся вдоль всей квартиры. Я насчитала четыре двери, не считая тех, что уже видела.

— Итак, — Виктор начал экскурсию, как настоящий ри-

елтор. — Здесь у меня кабинет. — Он открыл первую дверь. За ней оказалась комната в темных тонах: тяжелый дубовый стол, кожаное кресло, стеллажи с книгами и папками. На стене — дипломы, сертификаты, какие-то грамоты. — Работаю, когда беру дела домой.

Он закрыл дверь и двинулся дальше.

— Здесь спальня Стаса. — Вторая дверь вела в комнату в синих тонах. Большая кровать, прикроватные тумбочки, шкаф-купе. Ничего лишнего, но всё дорогое, качественное. — Он у меня часто ночует, особенно когда поздно возвращаемся. Так что у него своя территория.

— Удобно, — только и сказала я.

— Еще бы, — усмехнулся Стас из-за моей спины. — Я, можно сказать, тут второй хозяин.

Виктор пропустил его слова мимо ушей и открыл третью дверь.

— Это гостевая. Но она, как видишь, не совсем гостевая. — Он вошел внутрь, и я последовала за ним.

Комната была... женской. Светло-бежевые стены, большая кровать с балдахином — да, с самым настоящим балдахином из легкой ткани, которая струилась до пола. Туалетный столик с зеркалом и подсветкой, пуфик, мягкий ковер на полу. Шкаф — во всю стену, зеркальный. На подоконнике — пара горшков с цветами.

— Здесь раньше жила... — начала я и осеклась.

— Никто здесь не жил, — ответил Виктор, но в его голосе

мелькнуло что-то похожее на раздражение. — Это гостевая. Иногда остаются друзья, партнеры, когда приезжают из других городов. Теперь здесь будешь жить ты.

Я обернулась. Он смотрел на меня спокойно, без эмоций. А я пыталась понять — это правда гостевая? Или здесь жила женщина? Та, с которой он «расстался»? Та, которую он назвал шлюхой?

— У меня две ванные, — продолжил Виктор, не давая мне времени на размышления. — Одна — моя, личная, при спальне. Вторая — гостевая, вот здесь, рядом с твоей комнатой. Будешь пользоваться ей.

Он показал на дверь напротив. Я заглянула внутрь и замерла. Ванная была больше моей кухни. Огромная душевая кабина с тропическим душем, ванна на ножках — чугунная, белоснежная, рядом с окном. Раковина с мраморной столешницей, зеркальный шкафчик с подсветкой, полотенца — пушистые, белые, сложенные ровной стопкой. На полочке — баночки, скляночки, гели, шампуни. Всё новое, с бирками.

— Здесь всё для тебя, — сказал Виктор. — Если чего-то не хватает — скажи, купим.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Мы вернулись в коридор. Четвертая дверь, оставшаяся в дальнем конце, явно вела в его спальню. Но он не стал её открывать.

— Моя комната там, — коротко сказал он. — Спать я буду один.

Я замерла, не понимая, к чему он это говорит.

— Я не люблю спать с кем-то в одной постели, — продолжил он, и его голос звучал сухо и деловито. — Мне нравится только секс. Всё остальное — после него пусть спит отдельно. Хочет — в своей комнате, хочет — в гостиной на диване. Но не со мной.

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Он говорил об этом так буднично, словно обсуждал расписание уборки. Секс. Только секс. А потом — по разным комнатам.

— Понятно, — прошептала я.

— А я вот, наоборот, — Стас подошел ближе и обнял меня за плечи. — Я люблю, когда под боком что-то мягкое. Теплое. Чтоб можно было уткнуться, обнять. Так что Карин, ты будешь спать со мной.

Я вздрогнула и посмотрела на Виктора. На его лице промелькнула тень — недовольство? раздражение? — но он ничего не сказал. Только сжал челюсти и отвернулся.

— Решено, — весело заключил Стас. — Карин спит со мной. Вить, ты не против?

— Мне всё равно, — ответил тот, но я заметила, как напряглись его плечи. — Главное, чтобы к утру она была в состоянии работать. И обслуживать нас.

Последнее слово он произнес с особым нажимом, и я снова почувствовала, как горят щеки.

— Ну и отлично, — Стас хлопнул меня по плечу, отчего я покачнулась. — Карин, иди в свою комнату, разбери вещи,

прими ванну. У тебя час. Потом мы хотим... — он сделал многозначительную паузу, — пообщаться.

Глава 3

— Час? — переспросила я, чувствуя, как сердце ускоряет бег.

— Час, — подтвердил Виктор. — Приведи себя в порядок. И переоденься во что-нибудь... попроще.

Он окинул меня взглядом, и я поняла, что выгляжу как пугало. Мятая кофта, старые джинсы, которые я носила еще года три назад, когда была худее. Волосы растрепались, косметика давно стерлась. Я была жалкой. И они это видели.

— Понятно, — прошептала я и пошла в свою комнату.

Оказавшись внутри, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ноги подкосились, и я сползла на пол, обхватив колени руками.

Час. У меня час.

Я посмотрела на свою сумку, которая стояла посреди комнаты, сиротливо и нелепо. Она была старой, потертой, с болтающейся молнией. Я покупала её на распродаже лет пять назад, когда мы с Федей должны были поехать в Египет. Тогда казалось, что жизнь налаживается, что всё будет хорошо. Тогда я еще умела мечтать.

Я встала и подошла к сумке. Открыла, начала вытаскивать вещи. Джинсы, футболки, свитера — всё это казалось таким убогим здесь, среди этого великолепия. Я раскладывала их в шкаф — просторный, зеркальный, с мягкими вешалками и

выдвижными ящиками. Мои вещи занимали меньше половины одной секции.

Потом я достала бельё. То самое, которое покупала и не носила. Кружевные комплекты — черный, красный, белый. Шелковые халатики. Тонкие чулки в упаковках. Я смотрела на всё это и чувствовала, как к горлу подступает комок.

Я покупала это для Феди. Хотела быть красивой для него. Хотела, чтобы он смотрел на меня так, как смотрел в первые месяцы нашего знакомства — с восхищением, с желанием. Но он не смотрел. Он говорил, что я и так нормальная. Что зачем эти глупости. И я верила. Убирала бельё в дальний ящик и убеждала себя, что главное — не внешность. Главное — душа. А душа у меня была. И я думала, что этого достаточно.

Дура. Какая же я была дура.

Я разложила бельё в ящик и закрыла его. Потом посмотрела на кровать. Она была застелена белоснежным бельём, которое пахло лавандой. Подушки — мягкие, пуховые. Одеяло — легкое, но теплое. Я провела ладонью по покрывалу и подумала: «Я буду спать здесь. Одна. Или со Стасом. Как повезет».

От этой мысли стало тошно. Я отошла от кровати и направилась в ванную.

Включила свет и снова замерла. Вблизи она казалась еще роскошнее. Я включила воду — теплая, почти горячая, сразу полилась из крана. Я набрала ванну, добавив туда соль для

ванн, которая стояла на бортике. Запах лаванды и чего-то еще, успокаивающего, наполнил комнату.

Я разделась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Скинула одежду в кучу на полу и осторожно ступила в воду. Она была горячей, почти обжигающей, но это было приятно. Я медленно опустилась, чувствуя, как тепло разливается по всему телу.

И только тогда позволила себе заплакать.

Слёзы потекли сами собой, беззвучно, смешиваясь с водой. Я смотрела на свои колени, которые торчали из воды, на свой живот, который я так ненавидела, на свои руки — обычные руки уставшей женщины. И думала о том, как всё это произошло.

Я вспомнила Федю. Как познакомилась с ним. Как он ухаживал — некрасиво, неуклюже, но искренне. Дарил цветы, водил в кино, говорил комплименты. Я тогда не верила, что такой мужчина может обратить на меня внимание. Я всегда считала себя серой мышкой, незаметной, неинтересной. А он говорил, что я красивая. Что я добрая. Что он хочет провести со мной всю жизнь.

И я поверила.

Я вспомнила нашу свадьбу. Скромную, но веселую. Я была счастлива. Впервые в жизни я чувствовала, что меня любят. Что я нужна. Что я не одна.

Я вспомнила, как мы обустраивали мою квартиру, что досталась мне после смерти мамы. Как я сшила те самые за-

навески, как выбирала покрывало, как расставляла фотографии. Я вкладывала в этот дом всю себя, всю свою любовь. И думала, что он это ценит.

А потом начались игры онлайн.

Сначала это было несерьезно. Федя говорил, что просто развлекается, что это не зависимость. Он был веселый, возбужденный, рассказывал, как выиграл. Потом начал проигрывать. Просил у меня деньги — взаймы, до зарплаты. Я давала. Конечно, давала. Он же муж. Ему нужна поддержка.

Потом он стал проигрывать больше. Стал брать кредиты. Я узнала об этом случайно — пришло письмо из банка. Я устроила скандал. Плакала, кричала. Он клялся, что это последний раз. Что он всё понял. Что он исправится.

И я поверила.

Я закрывала его долги. Брала подработки. Отказывала себе во всём — в новой одежде, в косметике, в отпуске. Я платила его кредиты, его проценты, его штрафы. Я покрывала его, как могла. И думала, что помогаю ему. Что он видит мою жертву и ценит её.

А он... он в это время планировал, как украсть деньги из сейфа своих работодателей. Как подставить меня. Как сбежать.

И он сбежал.

А я осталась. С долгом. С унижением. С этими двумя мужчинами, которые видели во мне предательницу.

Я вытерла слёзы и выдохнула. Вода остывала, и я почув-

ствовала, что замерзаю. Вылезла, закуталась в огромное полотенце — мягкое, пушистое, которое пахло свежестью. На полочке нашла крем для тела, нанесла на руки, на ноги, на живот. Машинально, без мысли. Просто чтобы что-то делать.

Потом вернулась в комнату. Посмотрела на часы — прошло сорок минут. Оставалось двадцать.

***Я открыла шкаф и задумалась, что надеть. Футболку и джинсы? Слишком просто. Халат? Я снова была в замешательстве. У меня не было никакой одежды, которая подходила бы для... этого. Для того, что они хотели.

В итоге надела мягкие домашние штаны и свободную футболку. Не вызывающе, но и не как пугало. Волосы расчесала и собрала в хвост. Посмотрела на себя в зеркало. Обычная. Уставшая. Но хотя бы чистая.

И в этот момент раздался стук в дверь.

— Карин, ты готова? — голос Стаса.

Я глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках.

— Д-да, — ответила я, и мой голос предательски дрогнул.

Дверь открылась. Стас стоял на пороге, уже переодетый в домашние шорты и футболку. Он выглядел расслабленным, улыбался.

— Отлично выглядишь, — сказал он, окинув меня взглядом. — Иди сюда.

Я сделала шаг вперед. Потом еще один. И вышла из комнаты, в коридор, где ждал Виктор. Он тоже переоделся —

в спортивные штаны и простую черную футболку. В этой одежде он выглядел моложе, проще. Но взгляд оставался таким же — тяжелым, изучающим.

— Ужин закажем после, — сказал он. — Повар на сегодня не рассчитывал на троих, так что придется что-то выбрать.

Я кивнула, хотя не была голодна. Совсем.

— Ну что, — Стас подошел и взял меня за руку. Его ладонь была теплой и большой. — Начнем, пожалуй.

Он потянул меня за собой, в сторону своей комнаты. Я сделала несколько шагов и остановилась, обернувшись на Виктора. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел нам вслед. На его лице не было эмоций. Только эта проклятая уверенность. И что-то еще. Что-то, чего я не могла понять.

— Иди, — сказал он тихо. — Я присоединюсь позже.

И я пошла. В комнату Стаса. Навстречу тому, чего боялась больше всего.

Дверь за нами закрылась.

Я даже пискнуть не успела, как он напал на меня словно ураган. Просто прижал меня к двери начал целовать. Еще и руку на горло положил. Короче всё, как я когда-то тайно мечтала. Ну и…. конечно же чертово тело меня предало. Мозг закоротило, и из моего рта вырвался стон удовольствия.

Стас оторвался от меня, посмотрел в глаза и улыбнулся.

- Знал, что тебе понравится, - коротко сказал он, и не успела я ничего ответить, как вновь начал целовать и тут же его руки, сильные и жадные, скользнули под мою футболку, сми-

ная ткань, добираясь до кожи. Я почувствовала, как его пальцы, грубоватые и уверенные, касаются моего живота, и меня бросило в жар. Не от отвращения. От чего-то первобытного, что спало во мне годами и сейчас проснулось, потягиваясь и обнажая клыки. Я застонала ему в рот, и этот звук, мой собственный, показался мне чужим, незнакомым. Таким откровенным, таким… голодным.

Он отстранился на секунду, только чтобы стянуть с меня футболку, и его голубые глаза потемнели, стали почти синими. Он смотрел на меня — на мою грудь в простом хлопковом бюстгальтере, на живот, на который я столько лет старалась не смотреть, — и в его взгляде не было ни капли брезгливости. Только чистое, ничем не прикрытое желание.

— Черт, Карин, — выдохнул он, и голос его был хриплым, низким. — Я же говорил, что ты мягонькая.

И снова припал к моим губам, а его руки уже расстегивали бюстгальтер, и я, вместо того чтобы сопротивляться, выгибалась ему навстречу, как кошка. Мне было стыдно. Мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю. Но тело… тело не слушалось. Оно жило своей жизнью, требовало, чтобы эти руки, эти губы, это тяжелое дыхание не прекращались.

Штаны соскользнули на пол. Я осталась в одних трусах — тех самых, кружевных, черных, которые покупала для Феди.

Ирония судьбы.

Стас подхватил меня под бедра, заставляя обвить его но-

гами, и понес к кровати. Я вцепилась в его плечи, чувствуя под пальцами твердые мышцы, и вдруг подумала: «А ведь я даже не знаю, как его зовут по отчеству. И какое у него любимое блюдо. И какой он в постели — нежный или грубый. Я ничего о нем не знаю. И он обо мне — тоже. И это… это неважно. Совсем неважно сейчас».

Он бросил меня на кровать, и я утонула в мягком синем покрывале. Стас навис сверху, и его тело было таким горячим, таким тяжелым, что я почувствовала себя защищенной. Глупо, конечно. Искать защиту у человека, который только что купил тебя, как вещь. Но разве я когда-то была умной? Разве я когда-то выбирала правильных мужчин?

— Ты чего замерла? — его голос прозвучал где-то над ухом, и я вздрогнула. — Боишься?

Я посмотрела на него. Вблизи его лицо было другим — не таким надменным, как в машине или на кухне. Было что-то мальчишеское в этой улыбке, в этих веснушках на носу, которых я раньше не замечала. Что-то, что заставляло забыть о страхе.

— Н-нет, — прошептала я. — Не боюсь.

— Тогда расслабься, — он улыбнулся шире, и его рука легла на мой живот, медленно, круговыми движениями, словно он успокаивал меня. — Я не собираюсь делать тебе больно. Если ты сама не попросишь.

От последней фразы у меня перехватило дыхание. Щеки вспыхнули. Я никогда… никто никогда со мной так не гово-

рил. Федя был другим. Тихим, неуверенным. Он делал это быстро, словно выполняя повинность, и потом сразу отворачивался к стене. А этот… этот смотрел мне в глаза и говорил такие вещи, от которых у меня подкашивались ноги.

Стас начал целовать меня медленнее. Сначала шею — нежно, почти благоговейно, словно пробуя на вкус. Потом ключицы, грудь. Каждое прикосновение его губ отзывалось во мне волной тепла, которая разливалась по всему телу, до самых кончиков пальцев. Я запустила руки в его волосы, такие мягкие, шелковистые, и притянула его ближе. Он застонал, и этот звук, мужской, низкий, вибрирующий, отозвался где-то внизу живота.

Он спустился ниже, к животу, и я напряглась. Вот сейчас. Сейчас он увидит мой целлюлит, мои растяжки, мои складки. Сейчас он отстранится с этим брезгливым выражением лица, которое я так хорошо знала по Феде. Но он не отстранился. Он поцеловал мой живот, провел языком вокруг пупка, и я выгнулась дугой, не в силах сдержать стон.

— Щекотно? — пробормотал он, поднимая голову.

— Нет… — выдохнула я. — Продолжай. Пожалуйста.

Он усмехнулся и продолжил. И с каждым его прикосновением я все больше теряла связь с реальностью. Где-то на периферии сознания билась мысль: «Это неправильно. Это унизительно. Он купил тебя. Ты не должна получать от этого удовольствие». Но я гнала эту мысль прочь. Потому что впервые за долгие годы я чувствовала себя желанной. Не

просто «удобной», не «хорошей женой», не «той, кто всегда поможет». А желанной. Женщиной, которую хотят.

Стас стянул с меня трусы, и я инстинктивно прикрылась руками. Но он мягко отвел их в стороны.

— Не прячься, — сказал он. — Я хочу тебя видеть. Всю.

И я позволила ему смотреть. Позволила себе быть уязвимой. Его глаза скользили по моему телу, и в них не было ничего, кроме жадного, ненасытного голода. Он смотрел на меня так, словно я была самым желанным зрелищем в его жизни. И от этого взгляда я почувствовала себя… красивой. Впервые за очень, очень долгое время.

— Ты вся дрожишь, — заметил он, и в его голосе послышалась забота.

— Это… это от волнения, — призналась я. — Я давно не… у меня давно не было…

— Знаю, — он поцеловал меня в шею, и я почувствовала, как его рука скользит вниз, между моих бедер. — Федя, судя по всему, был не очень-то щедрым любовником. Или я ошибаюсь?

Я не ответила. Просто не могла. Его пальцы нашли то место, которое, казалось, спало годами, и я вскрикнула, вцепившись в покрывало. Волна наслаждения, такая сильная, такая внезапная, что почти болезненная, прокатилась по всему телу.

— Молчишь, — прошептал он мне в ухо, и его дыхание обжигало кожу. — Это хорошо. Значит, я прав.

Он не дал мне времени привыкнуть. Его движения были медленными, но настойчивыми, и с каждым разом я все сильнее выгибалась ему навстречу, уже не сдерживая стонов. Мне было плевать, что Виктор может услышать. Мне было плевать на все на свете. Существовал только этот момент, только эти руки, только это ощущение, которое росло, нарастало, грозило захлестнуть меня с головой.

— Стас… — выдохнула я, не узнавая собственный голос.

— Да, — ответил он, и в его голосе слышалась улыбка. — Вот так. Не сдерживайся.

И я не сдержалась. Волна накрыла меня с головой, и я закричала, выгибаясь на кровати, сжимая пальцы в кулаки, чувствуя, как все тело содрогается от этого освобождения. Никогда. Никогда со мной такого не было. Никогда я не чувствовала себя такой живой, такой настоящей.

Когда я открыла глаза, Стас смотрел на меня с довольной ухмылкой.

— Вот теперь я вижу, что тебе хорошо, — сказал он.

— А… а ты? — пробормотала я, все еще не в силах собрать мысли в кучу.

— А я подожду, — ответил он и вдруг посерьезнел. — Сначала я хочу, чтобы ты привыкла ко мне. К нам. Поняла, что это не наказание. Это… по-другому.

Я не знала, что сказать. Мне хотелось спросить, что значит «по-другому». Мне хотелось спросить, что будет дальше. Мне хотелось спросить так много всего, но в этот момент

дверь открылась, и на пороге появился Виктор.

Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на нас. На меня — растрепанную, разгоряченную, лежащую на кровати его брата. И в его глазах было что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание. Что-то темное, собственническое. И очень, очень голодное.

— Я смотрю, вы тут уже начали, — лениво сказал он.

Голос его звучал ровно, но я заметила, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших косяк. И поняла: ему не все равно. Ему совсем не все равно.

— Присоединяйся, — просто ответил Стас, отстраняясь от меня.

Я осталась лежать, не в силах пошевелиться. Виктор медленно, очень медленно, подошел к кровати. Снял футболку, и я увидела его тело — не такое накачанное, как у Стаса, но все еще крепкое, сильное. Волосы на груди, дорожка, уходящая вниз, к резинке спортивных штанов. Я сглотнула.

— Ты знаешь, что я хочу? — спросил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.